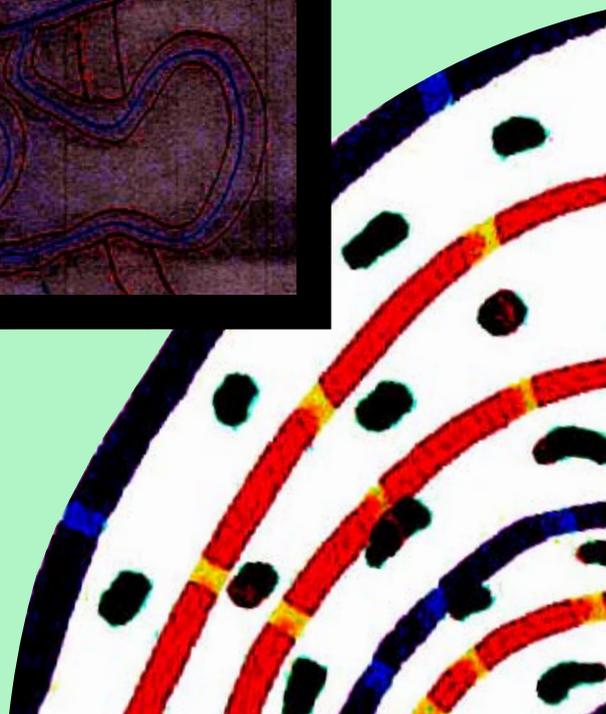
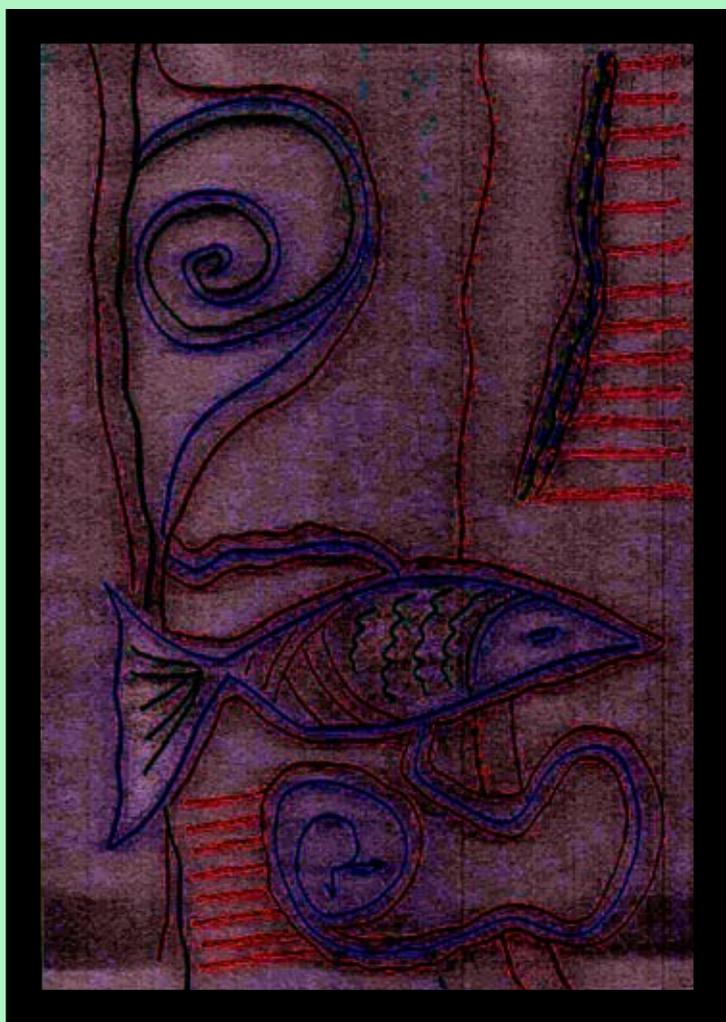

ЗНАКИ ВЕТРА

ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

ЗНАКИ ВЕТРА
ЗНАКИ ВЕТРА

6

Октябрь 2011

Иерусалим и окрестности

Куратор проекта – Фаина Колодная

*Координаты для связи:
fainak@mail.ru*

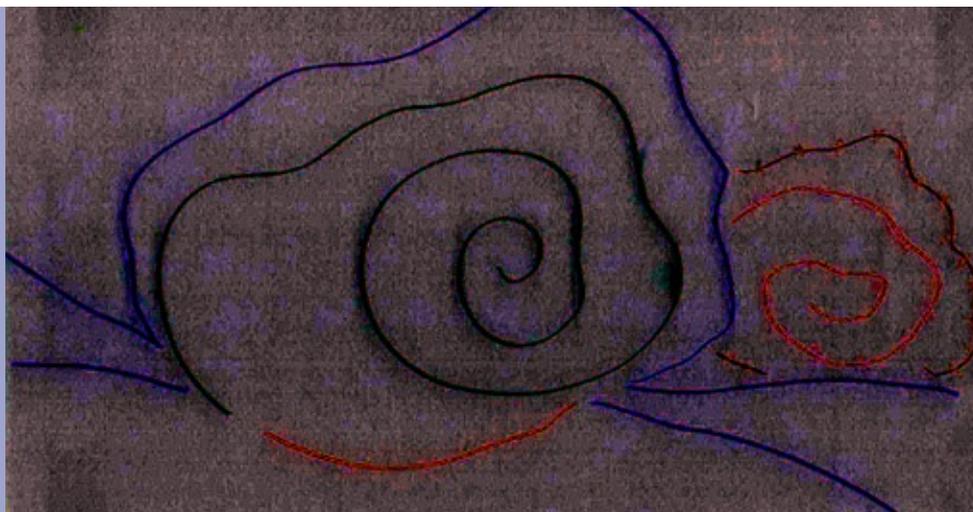
*Составитель
Владимир Тарасов*

Художественное оформление – Ф. Колодная

*В оформлении сс. 15-21
использованы работы Г. Ковальского*

Содержание

Владимир Тарасов	4
<i>Синтетизм и экстремумы комбинаторики</i>	
Дора	9
<i>Запах озона</i>	
Гарик Ковальский	15
<i>root@localhost</i>	
Денис Ларионов	23
<i>Стихи разных лет</i>	
Эдуард Семёнов	29
<i>Меня в путь</i>	
Владимир Тарасов	33
<i>Из трех книг</i>	
Ярослава Фаворская	61
<i>ТриО оставленной души</i>	

СИНТЕТИЗМ И ЭКСТРЕМУМЫ КОМБИНАТОРИКИ

Конвенциональный способ изложения: под эту изгородь мы можем сгрести, как листву прошлогоднюю, целую цепочку огрехов ретроградного искусства.

Упорное следование правилам грамматики в лирическом тексте неуместно, зависимость от плоской логики в наших языковых упражнениях – оскомина неизбежная, постыло долгосрочная, этим страдал Бродский и не он один. В эпоху вторичного накопления форм неприметная «нормальность», «правильная» речь, стёртая до серятины «естественность» предикативных форм и эпитетов абсолютно неприемлемы. Всё это хранит в себе потенциал энтропии и неизбежно является (нет, всегда являлось!) ощутимым тормозом в искусстве. Именно потому конвенциональный тип письма очень часто нуждается в изошрённости, неважно какой природы и категории – звериной, монструозной или художественной. А то и в грандиозности (от чего не легче). Ему НЕ хочется (о да! нам известно об этом) показаться обыкновенным, гладким, однообразным до тошноты и не самым удивительным. Ему стыдно показаться заурядным. Набокова на каком-то этапе конвенциональное письмо начало душить. О чём он не догадывался, хотя мастер и гениальный *изобразитель*. Будь иначе – ушёл бы в область «синтетики» (при его-то воображении эффект мог быть сногшибательным), как высоко им ценимый Белый.

От одной головоломки синтетизм избавляет поэтов успешно: что предпочтительней – высокий стиль, ровно отёсанный скромно причёсанный или сильно заниженный грубый стиль письма? Активизация ресурсов словаря синтетическим способом, при отказе от линейной логики высказывания, становится всепоглощающей – язык буквально оживает, он демонстрирует нам, на что способен. А способен язык на многое, даже если исключить количественный фактор. И требования, выставленные самим языком, укрощают все эти суетные помыслы эго и подобные честолюбивые заботы, как например, превзойти Шекспира (Пруста, Гёте, Толстого и др.) взятым в художественный оборот словником. Генерировать иное поколение образов – одна из самых сложных задач, её решение лежит в области применения методологии синтетизма.

Зоны полисемантики – таинственные озёра преломления смыслов, недра генезиса образа сколь непредсказуемого, столь же и неповторимого. Одно только их созерцание (не говоря уже о самом труде - об искусстве препарирования и перекраивания) отменяет необходимость в постмодернистской полистилистике, как нелепую затею. Тринадцать лет назад мне приходилось говорить о «психоделическом» перекраивании действительности – это сходные отправные пункты, одна платформа задач, хотя и не скажешь того же о результатах. Пелевин – вовсе НЕ синтетизм, но в скрытом механизме психоделической кройки реалий, сопряжённой с непрытыми экспериментами «на дому», он разобрался лучше многих.

Синтетизм, в самом доктринальном понимании, как эстетика, это и есть единственно точная и вразумительная реакция на эстетику постмодернизма, включая концептуальное оформление последнего. Художественная концепция синтеза не сочетаемых, казалось бы, компонентов не нуждается в паразитировании на чужом мясе посредством пародии. Ещё одно преимущество данной концепции: синтетизм выводит из тупика иронии, куда завели нас 90-е годы (если вдуматься). Выводит легко и артистично. Не озадачивая себя набором ангажированных той или иной идеологией аргументов. Они отвлекают. И не превращая лирику в бесталанное подобие маскарада. Поза требует сцены, а у нас ГОЛЫЙ ЯЗЫК.

Поэтическое произведение не может быть адекватно описано или подано сбоку вне контекста сопереживания. Оно обращено в первую очередь к тем, кто любит подумать над словами. В этом отношении синтетизм даёт сто очков вперёд постмодернизму, коему повеселиться было гораздо важнее. Постмодернизм острит до упора, а синтетизм предлагает подумать. Исчерпывающим примером тому может служить книга Павла Жагуна «Пыль

Калиостро». Она просто расставила по местам, как своевременный учебник, целый ряд искромётных претензий ЯЗЫКА ко всем, кто рискует заниматься сегодня поэзией. «Пыль Калиостро» – можно было бы отметить в ней разглядывание звука, но главная особенность книги – синтетика: спокойное сопряжение неоднородных, по логике вещей, не уживающихся друг с другом элементов в цельную ткань. Неторопливый, хладнокровно подверженный долготерпению текст. Тотальной точности беспристрастная критика отживающих эстетик. Лирика языка о своих новых заботах. Свежий взгляд на вещи. Осмысленно и безоглядно. Павел, ура!

Следующее обобщение недалеко от истины: проза в принципе более *объективна*, поэзия в принципе более *проникновенна*. Современная поэзия требует от читателя внимательности и особой подготовки, а *индивидуализм* предполагает расторжение традиционного союза с привычным смыслом и картофельной подачей «знакомых» переживаний. Узнаю голоса недовольных: всё в одну кучу норовишь свалить. Совсем нет. Методология синтетизма способствует наиболее **глубинному** выражению индивидуальности.

Среди муз – ни одной музы философии, а вот математики есть – Урания. Математика и Космос – одно, греки и здесь оказались на высоте, приходится признать. Комбинаторика – вот о чём пойдёт речь в данном случае. Она открывает несравнимый ни с чем потенциал, если мы определяем свою цель как *изломы письма*. Замятинская схема синтеза на основе диалектической триады (отрицание отрицания) не предполагает столь широкого спектра возможностей.

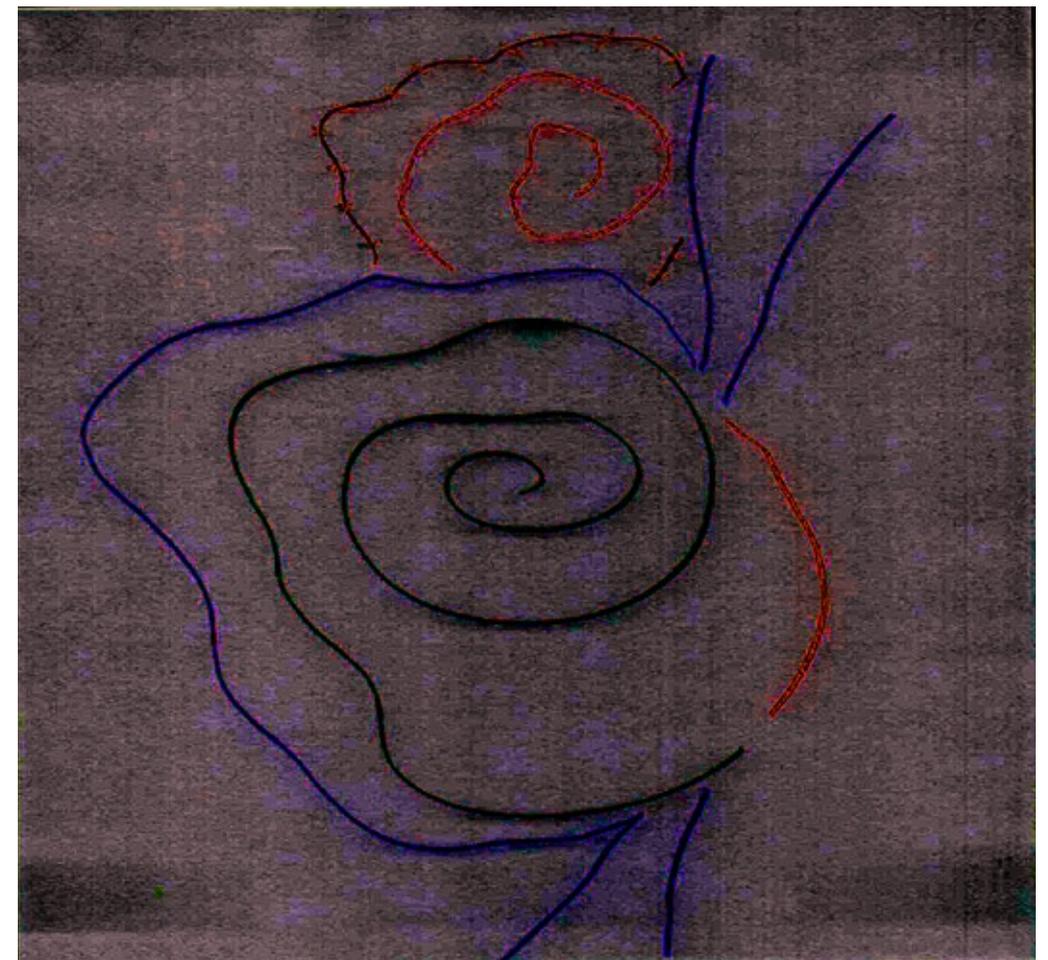
Кстати, предлагаемую здесь методику можно испробовать на классике, что произведёт наверняка фурор.

В самом экстремальном виде решения задача выглядит так: из имеющегося стихотворения сделать новое, используя только те же слова. Ради цвета скажем: вплоть до фонетического тождества используемых слов, равного количества букв и знаков препинания, но с любым, в отличие от «оригинала» количеством строк. Число вариантов «отражения» – факториал (т.е. вариантов из семнадцати слов более трёхсот пятидесяти триллионов). Эта крайность – общей картины ради, дальше поэт волен себя ограничивать, как он хочет. Например: количество строк обязано совпадать. Или так: слова те же, окей, но падежи и время не совпадают. Или просто: в «отражении» не все слова «оригинала», дабы не во вред литью главное. А можно и вообще отказаться от «оригинала», найдя «отражение» выигрышной вариацией. То о чём я тут говорю – синтетизм на пальцах, однако, уже ясно сколь универсален способ. Ещё интересней в этих экспериментах тонкий профессиональный момент –

при таком способе переход из одной тональности в другую становится делом поразительно естественным. Не менее важно, разумеется, что таким образом автор проверяет себя сам, а чётко обозначив поле приложения усилий, создаёт условия необходимые для совершенствования письма.

Лучи взятые от разных источников не когерентны. Неопровержим стиль, большой или индивидуальный не имеет значения. Индивидуальная поэтика когерентна, ибо там есть стиль. Гравитационный стержень, скажем, моей поэтики заключён в определении эзотерический. Синтетизм, однако, эстетика, позволяющая себе любую амплитуду в мировоззрениях – пространству порождающей фонетики, грубо говоря, всё равно.

Рядом с глубинными откровениями Поэзии, безупречной царицы словесности, умозрения философии бесповоротно вторичны. И всегда спорны.

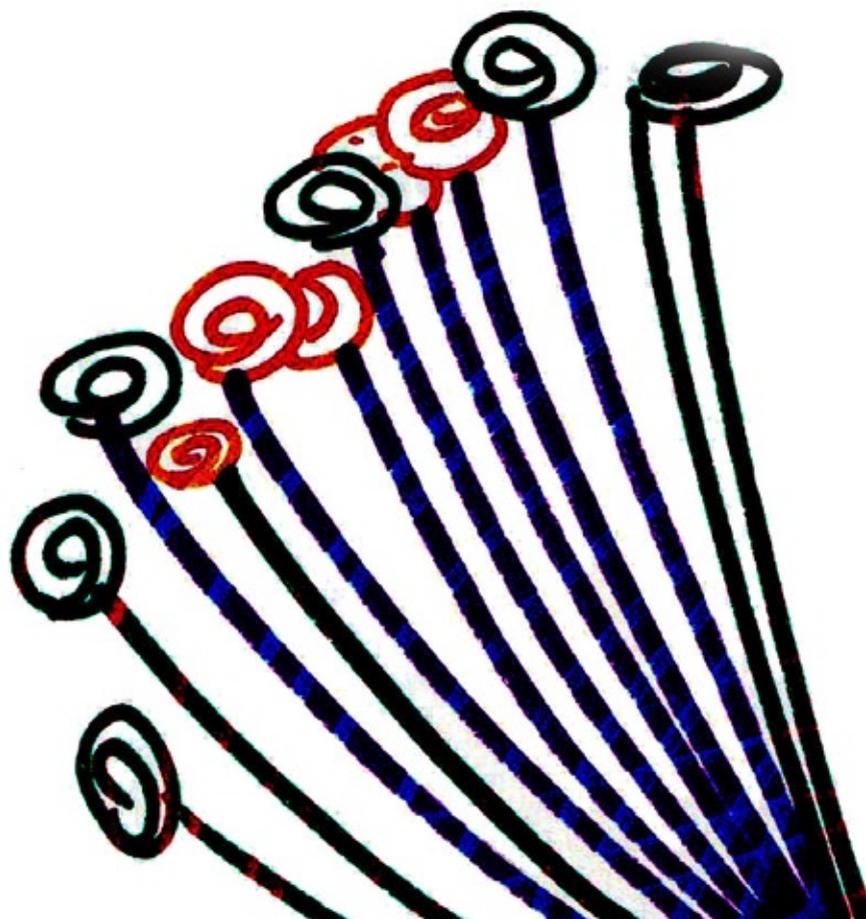
Dora
ЗАПАХ ОЗОНА

Стекло Геносара мутнее стекла пустыни –
 исписано шелестом тростника и плеском
 На сине-зеленом витраже тишины –
 светлая птичья скоропись
 Утром
 тихие горы купают лапы –
 шерсть голубая
 на краю чешуи голубого Левиафана
 Тут нельзя написать – на краю голубой чаши:
 чудище дышит!

В шесть
 слишком рано
 поднимается ветер...

Нет, стекло Геносара мутнее стекла пустыни
 Пусть я останусь там легкой царапиной
 Слышишь?

Там
 в вышине
 утес
 ледник и камень
 Под белой кручей
 два озера
 бездонных, темных
 Взлететь бы ласточкой
 и кинуться
 и кануть
 себя не помня

Но на дне
 орлиный росчерк скал
 лавина поросли колючей

Где уж мне?

Не докарабкаться
 не устоять на скалах
 не доплутать туда мне
 за жизнь
 за смерть
 за этот год
 за всё свиданье

За этот год
 за жизнь
 за смерть
 но прошлой ночью
 ползя на ощупь
 я отыскала
 родник заросший
 скит пророчий

твой рот

Я брови подвожу
Передо мною – Иерусалим
Накладываю тени цвета нежной тучи
Еще далек восход
Еще не золото
Уже не серебро
Вдеваю серьги иволги плакучей

Уже
взгляни
из ожерелий нежных фонарей
сплела я желтые браслеты
для жадных рук и ног
предплечий
для долгожданных встреч
и медленных речей
над Иерусалимом
до рассвета

Из розовой росы
и ветра
встает слепящий шар –
мне ладанка блестящая для слез
падучих звезд
знамений

Взлетел –
и, вновь сотворены,
все тени синие земли
мне под глаза легли
у сердца самого скрестились тени...

О, как стремительно
как рано
скатился шар лучистый
Кинжалами
поворотились тени в ране

Роняя аметистовые кисти
стихов и слез
шелками, шорохом одета
смогу ль шагнуть

не уронив с ладони смуглой
все золотые слитки лета?

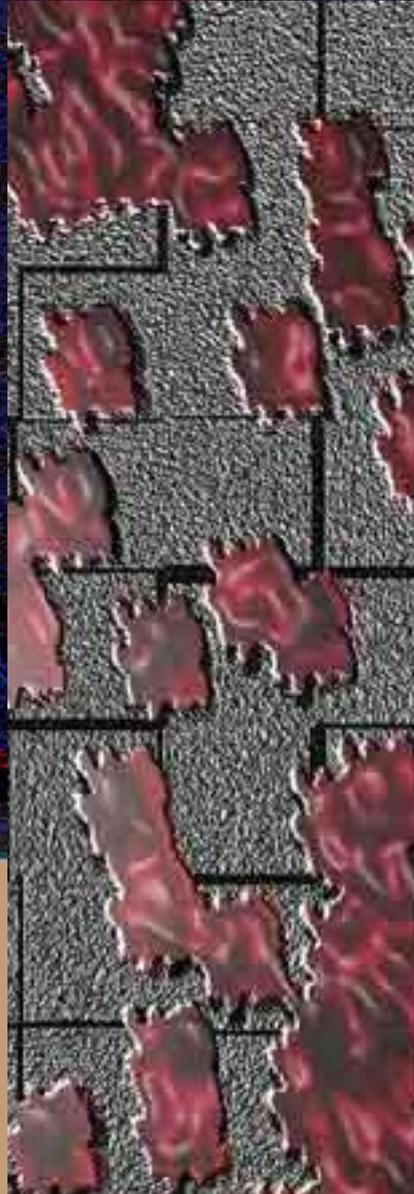
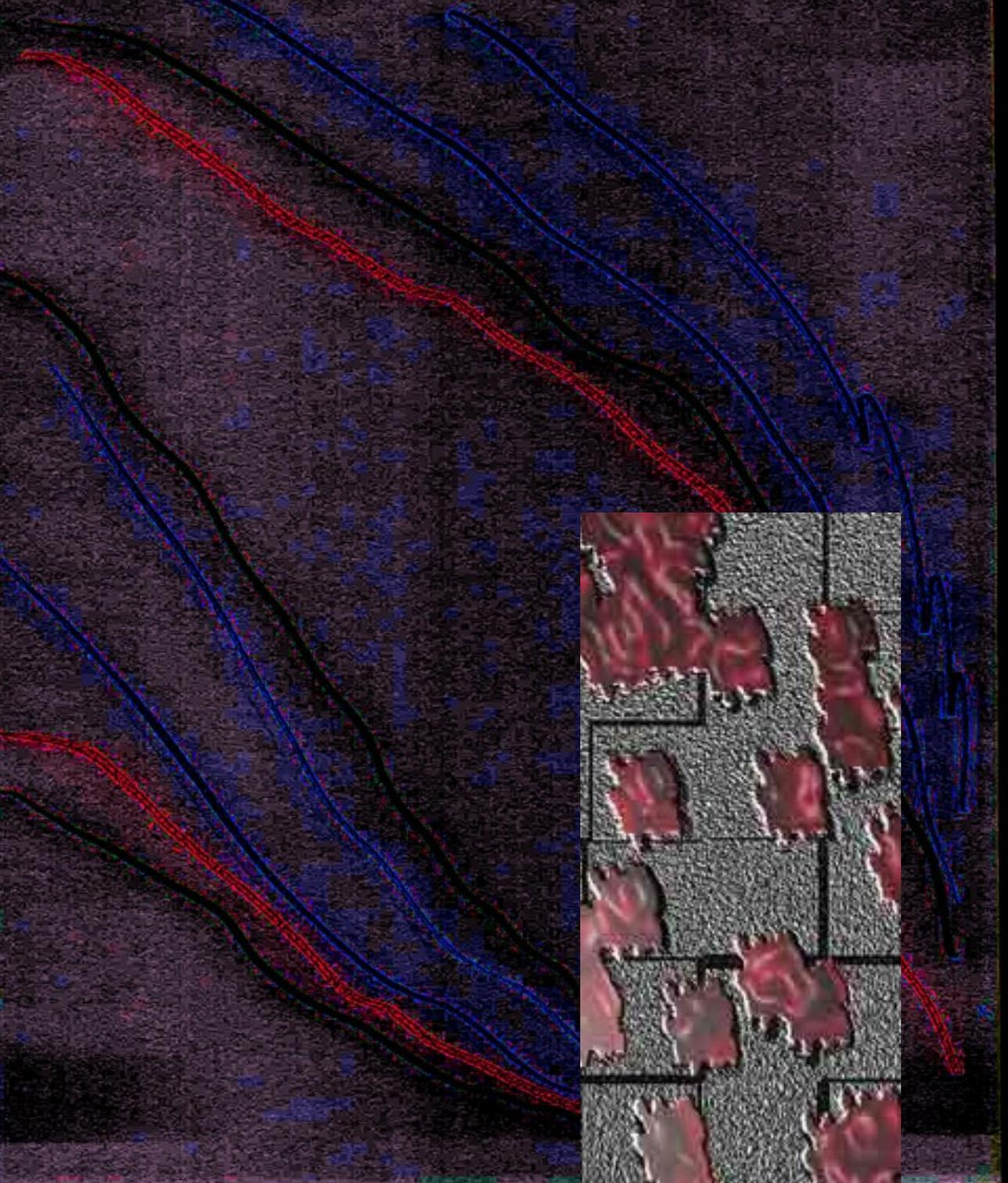
Я брови подвожу
макаю губы в огненный закат
Смыкаются, чернеют тени
над Иерусалимом...

Мы здесь еще пока

Вот и октябрь,
и мокрые птицы ресниц – ах! –
как разлетелись над призраком серого моря!
Молнии, громы, песчаные струи на теле
Солнце на лицах
Легкие схватки и стоны...

Вот и октябрь.
А после грозы отражаемся в лужах
и весело вторим
томному звону капли
Губ не смыкая, глотаем шутя, брат,
ветренный запах озона.

ГАРИК КОВАЛЬСКИЙ

root@localhost

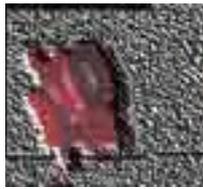
В полночь с пятницы на субботу
слизну каплю крови
и снова воззову, воскричу, восплачу
к тем, в кого верю.

Свет прольется молочный
сквозь дождь и туман,
будто открылся выход,
только бы мне успеть.
Там – веселое стойбище У,
Там не наступит ночь,
Пока ей не разрешу.

С негритяжкой и маленьким драконом пройду вдоль озера,
дам песку охладить мои горящие ступни.
Постучусь к господину скрипки,
будем ждать, пока разогреется
серебряный кипятильник на львиных лапах.
Алиф, ласковая, покажет мне новый кораблик,
уткнется голубоватым лбом в мое плечо.

(Не все находятся в трудолюбиво избранном одиночестве.)

Это мой опыт, я больше не стану
просить прощения, но хочу
оставить себе надежду, и пусть будет вера,
и не скажу третьего, не скажу.

Угли прошлого вороши,
Свету неверному радуйся.
Лед настоящего
Преврати в чистую воду.
Ссорься с телом своим,
И душе не давай поблажек.

Каждую ночь, просыпаясь отлить,
Надейся, что в темноте –
Не кафель привычный,
Но нежный чужой песок.
Это шум незнакомых волн,
А не свист глухоты.
Это улиц незнакомых окна,
А не отслоенье сетчатки.

Не хочу опоздать умереть.
Сегодня не будет покоя,
А жаль.
Под диктовку
Розовых камешков
С дешевым дрянным табаком
Складываю слова, которые говорить некому,
Эти слова.

Ненужные не забываю,
Откладываю на всякий случай.
Старые слова, слежавшиеся, бессильные, красивые,
Дерни за одно – за ним остальные посыплются.
Кто-то служит, я же только любить хотел.

1

“Новый мир
С опаской оглядывается
На усталую, мозолистую ненависть.
Старый мир дурно пахнет,
Он с трудом пользуется своими протезами”.

“Да. Новый мир
Полон добра и веселья”.

2

Так бы и превратил себя
В пассажира дальней электрички –
Дачи и развалины мелькают за окном,
В термосе чай,
Мятый бутерброд в газетке.
Но – дышится легко,
Демоны рабочих предместий
Давно сошли или передохли,
И спокоен стук колес.
Несть ни еллина, ни иудея,
Но только заснувший на плацкартной скамеечке
пьяный.

3

Здесь умирали
От передоза, печени и пустоты,
Но не теряли надежды до сорока –
Лет или дней, все едино.
Днем – солнце безжалостное или дождь,
И не будет иного.
Улицы, по которым – что карабкаться вверх,
Что пугливо сползать – изнурительно.

“Элия, сучка, Капитолина,
Любовь моя, предательница”.

Из романа
“К истории поселенцев”

Один камешек – ничего.
Три камешка – легче.
Пять – легко.
На песке я строю
Свет своей души.

Что мне ответит я
В белых камешках,
Какой мне будет покой?
Не говорить “нет”,
Не говорить “потом”.

Нельзя оставлять в темноте
Никого, с кем был близок.
Если не можешь принести свет,
Останься в темноте,
Чтобы им не было одиноко.

Свет и смерть на моей земле.
Я в пустыню с ножом ушел,
напоить спящих женщин холмов
синевой – моих вен молоком.

1991 – Новейшая чайная церемония

1
.....
на медленно жующих верблюдах
под долгую глупую песню караван-башй
.....

2

Заливаем сухой чай кипятком
В разогретом фарфоровом чайнике,
Сначала до половины,
А немного погодя – доверху.
Укрываем чайник чистой льняной салфеткой,
И через несколько минут
Разливаем в пиалы,
Каждому – по его вкусу и желанию,
Что означает (построчно):
Учение разъясняется желающим,
Сохраняется в чистоте твердой оболочки черепа,
Заполняя душу предчувствием,
А затем – цельностью,
И через ожидание покоя
Наши души, укрепленные верой,
Приобретают знание, насколько мы способны его
воспринять.

3

Пусть смерть придет неожиданно.
Разбей меня на части, Господи,
Как упавший стакан,
Чтобы я не успел
Испугаться и пожалеть.

2011 – Новейшая чайная церемония

Чашки сворачиваются из кухонной фольги
Чайники растираются между пальцев –
Каждый для себя,
Но воду разливает хозяин дома.

(Здесь была
Совершенно лишняя,
Пусть и вполне искренняя, строфа.
Бесплодная печаль утомляет,
Утоление страстей невозможно).

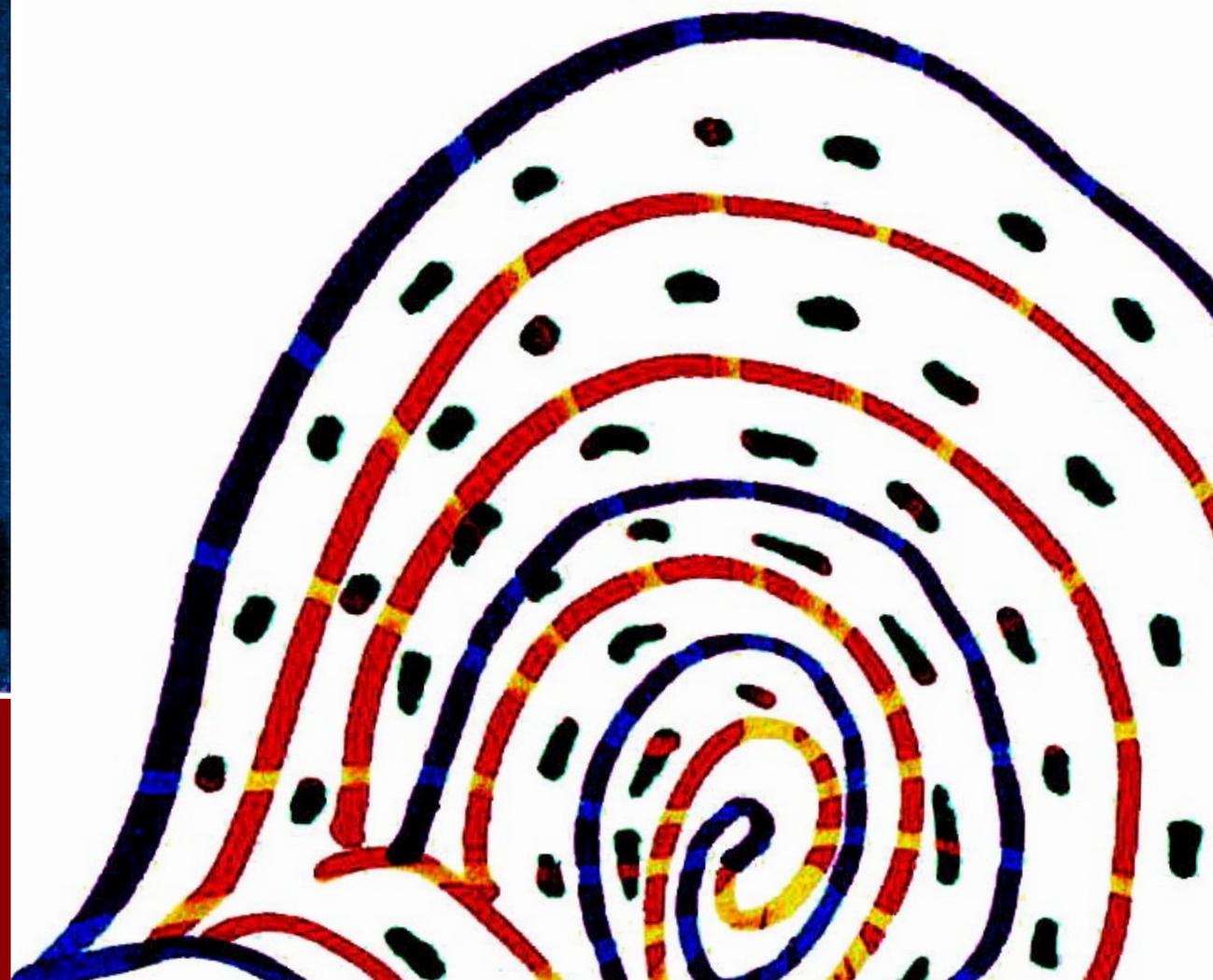
Кошка прыгает за рыбкой,
Крыса смотрит кошке вслед.

Денис Ларионов

СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ

Ближе, но и
Отходить: сопротивление
Материала, звонок N.
По ошибке.

Я король статики,
Говорит J. в моем сне.
Переворачиваюсь, переносу:
Я король статики.

Чтобы потом зачеркнуть.
Если это неправда.
Встретил но не говорили:
Языком не подцепишь шмеля таракана,
Заползшего в горло.

“Там, где...”, но и
книгу поцеловал, “рубец
на шее” переписал
несколько автоматических раз:

какая горькая латынь

латынь внутри

внутри меня горит

в полиэтиленовом покое.

2008

ТРИМЕР

Слоеная ткань фатерлянда,
самокритика без вытеснения.

Сюжет сжимается как слизистая
жертва в нежной извести контекста.

Теперь здесь агрессивная среда, где

а) осколки роз, подрезанные взрывом климата;

б) опыт тока.

Оптика немеет.

Трое на берегу травмы.

2009

В квартире триллера дубль эго *Не надо! Не надо!*
Экстатирует в эпизоде.

На скелете события сшито-как-хочешь
И, словно *Эндо* и *Ауто*, неподвижно
На узком экране – см. «*Субъективный идеализм*» –
Элементами мелодрамы.

«Мета, ты где?
Как резать вены здесь?
Куда уходит дискурс
катастрофы на анонимной основе?»

Мы не знакомы.
Манифестарно разделены.

2010

Маргарите Меклиной

Крепкий кофе знобит в разговоре о марте
& несколько слов о martini.

Лодка-мотор любит лёд на рельеф
или в рот тела работы М.:

там, где двор неглубок – температура 100 градусов! –
внутри комнаты в механической рвоте

memento, кровь матери-сигареты.

2010

CASUS

О чём: всё о том же
что значит *всё*
территория тавтологии
тело в разрезе
шум новой музыки.

Бесконечна дорога из душа
видел их мертвыми
буквы
вырвало теплым бульоном
в сквозном перерыве

аварии

действие первое
островного надреза социальное острие
.....
действие третье выстрел в упор и
наконец
эпилог

kief катастрофы в пути под рукой я
персонажа равно
труп пассажира в пейзаже на
самом дне

2010

ПРЯМОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ

И оно было кашель – разорвись в напряжении, междометия искушая, –
на рынок вброшен грязный товар: щелочь Dasein и под кожей
чередование гласных в обратном порядке: простишь ли мне этот анжабеман?

На обратной дороге во рту железится слюна – кажется, нет – и на выдохе
собираются в произвольном порядке слова и другие
открытые раны, лишённые оснований. Горло прополоскав, удаляясь от точности
прямо сейчас.

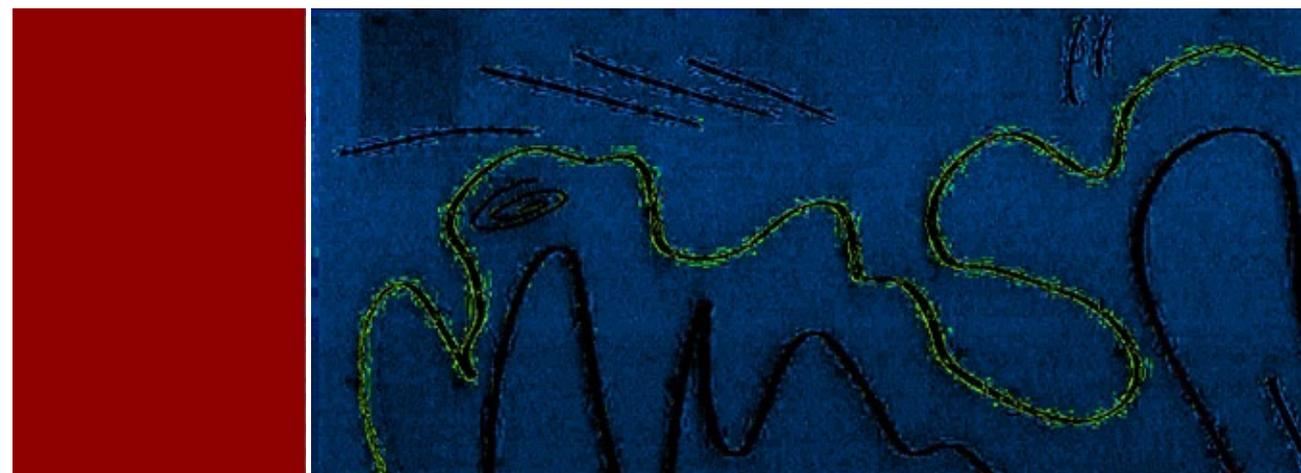
2011

Это не-я говорю
В заведенном тобой механизме.
Болезнетворная coda
Плюс demo версии: всё in-your-face.

Невыносимый вид сверху
Тела, чья вдумчивость амбивалентна, –
Или совсем никогда, –
Посторонним толпиться на суше платформы.

2010

Эдуард Семёнов

МЕНЯ В ПУТЬ

Пел
страхи пил?
Топотом выражался?
Пар кружа
уходил восвояси

безусловная вязь
ремесло
Велимир стихов
меня в путь

нет романов – крошечная пыль

у тумана короткая цель

у трона степь
звнящих линий
тонкий пожар стекла

светотень пятна на веер воспоминаний

Пресный дом
Приют сонных дам
Бравада души не то
Робкий улов
Отголосок всхлипов на стороне

▽▽▽

Сподвижники горя не знали
Мы с ними не знали слов
Среди набухающей стали
Без счёта и без голов

Былые вроде бы войны
Только ли вороны пели
Их боги нарушат покой

И покинет меха
О холодная камень глаз

Нефритовый Будда
Сочувствием окрылён

▽▽▽

Станешь пылью – знай
Будешь стоном – пей
А пока летай
Тряпочкой владей.

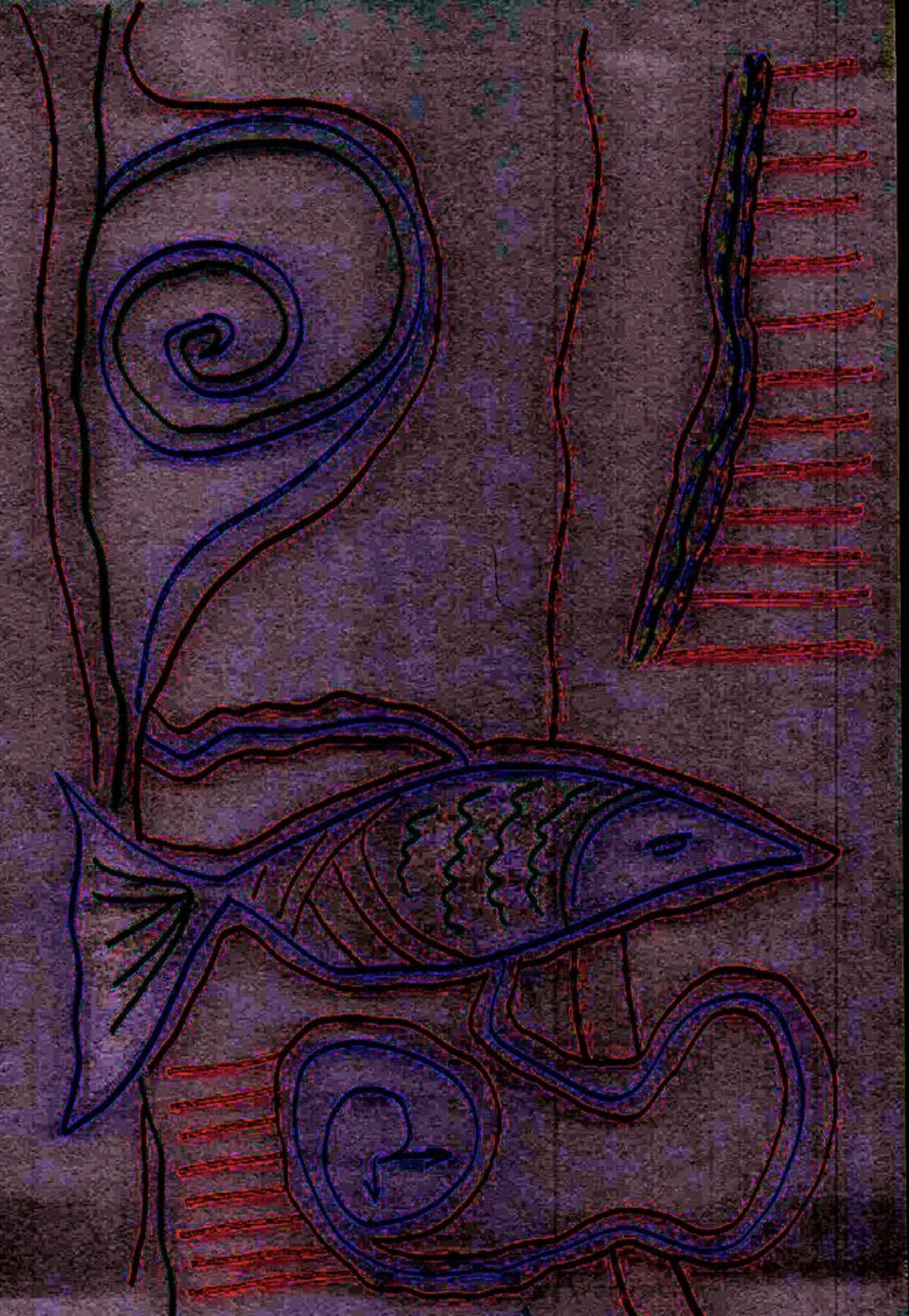
я тоже как моль по домам
даровано мне!
жаркая брызжет ночь

без луны на рассвете
смотрит окно

сквозь щель
канитель постригают

управдомовы мысли
хоть и не старые были ноги

остынет ли сердце лица?

Владимир
Тарасов

ИЗ ТРЁХ КНИГ

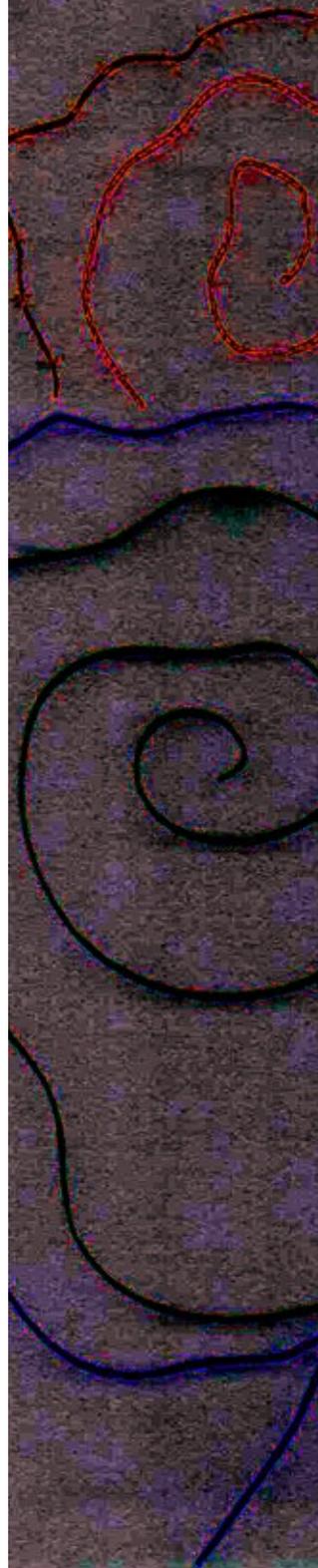
◇ ◇ ◇

Начало осени
появляясь праздник мёда
гармонии явлений и стиха.

Затем и ночь заученно бормочет –
ещё не отутюжен лай собаки
не перечёркнуты все скобки оговорок
и междометия на медленном огне.

А уготованные формы пребывания –
запечатлённые подобия обличья –
вызревают сами.
Сказанное пёрышками смысла обрастает
постепенно
и нате вам –
летит.

А вы: расслабься...
Успевай хватать!

СЛЕД

БАХ'ов музыкой угощали
(Боб – Ави – Хаим, ништяков свежак)
ночные косяки сладкие
ливни звука живьём
вдох и веяние;
ощупывает медленно запаянная мысль
на поле отчуждённости запечатлённый образ

знакомых вереница наваждений
перетекающих в стихи заумью варения
отверженных и стёртых жестов
роняющих огонь по винной капле в поры
ткани дышащей письма

жгуты переживаний оплетают
бестрепетного духа стержень
как мышцы оплетающие кость

подробен паз<>л настроения у строк:
отображён урожай –
ума прицел столица сердца
образ отобран
волнистое тепло подрагивает вспыхивает разбегаясь вширь
касания оживших слов
намёки
подыгрывая в такт
напоминая явно
что довершит картину упований уже не ты
а кисть десницы Рока;

на пятки страху наступая в свежий след

льдистое утро

Н.С.

суп из кола на дворе
(шотландское дело)
из костей и колебаний

паузы косят

живой мерцает слизью соли жирной
бульон находок
претыканий

сама посвящена себе
(в порыве)

где треть подобие тебя
а треть – подобие любое

февр.08

ГЛЯДЯ ЗА ОКЕАН

я слепки тления разглядывал преврат-
но лишне невпопад следы читать на ощупь,
рассредоточенные фибры –
не заразиться, не пропасть;

рассеянные тени ростом с дверцу,
как василисков пьяных лет их гонишь краем окоёма –
в дебри фиолетово линяют,
а что им? главное – пастись;

где рыбы всплеск наверняка охота
за берег воздух зацепился, не упал –
тут перевозмочь себя и взять факториал
отвесных вздохов!..

жди больше...
вдруг шорохи слепые
плюшевые не
бра из латуни сбоку (образ! бр-р-р), –
о чём вы, барышня!?
да свет из горсти слов
брызжет
в их звуках теплится
волхвует средоточье!

молчи про свет.., снеси на свалку лампу

дек. 2008

«ДОБРОЖЕЛАТЕЛЮ»

каменный ветер
светоносные швы озарений
между верой и смертью
(ниже буквенного карниза сдувая насекомое;
покалечится – не перебинтуешь)

симфония неистовства на слуху
ручные знаки и послушное знамя –
непешные вишенки перед финалом
святой восторг искусства
всё!
земле по кайфу воздух вроде...

не тут-то было –
хлорированная мораль корректности
скалится
дёсна гнойные кажет,
соображения ржавые о приличиях с губы кап-кап-кап
с фаршем общепита вперемешку
на галстук рвотными клише,
метин горошины оставляя –
тьфу!
стреноженный ум! –
скромные знают, почему они скромны –
прикуси язык догмы, кус`эммак!

ВАРИАЦИЯ

вышел на босу голову – дождичек
гулять-не гулять?
жирные колебания из угла лба в угол –
взбесились в западне извилин

подняться?..
шторы в дыму морщатся
шибко не пашется,
завистливый свист в коленкоре хроник
грязцу науськивает,
счёты сводит слепо
(быку мнится бык певчий –
хотя урчит желудок)

гулять-не гулять
и впрямь – поди вычеркни

◇ ◇ ◇

Обличья воздуха...
цвет им замышляя
только и помни что горло огонь ограждает –
выдох придаст языкастому вихрю приметные свойства.
Яркая времени трата: выдыхать то и дело.

Скинул кто-то не ту за стеной – разорались!..
Пересыхает душа обретаясь полжизни у края.

Рядом мент, наркоман, как ты говоришь, двойной агент.
Однообразие полуденного часа.
На пяточке иракском статика все дни – сидят,
играют в нарды, картёжные долги считают,
пьют.
Года два уже вместо таблички с угла дома напротив
смотрит Гоголь, словно так надо,
граффити – трафарет.

А выйти и в проход, который к рыку рынка, если
нырнуть и по кривой направо –
там Гоголь и сто двадцать обезьян!
Неплохо, правда?
Весь парламент!
И на иврите надпись жгучая –
пожарной охрою потёки.

2008

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

<...> блестит, говоришь

искушение позолотой логики
ползающей
на пузе извивающейся

кочергой треугольник башки, не церемонясь, –
вот так! –
придавить
(поднимаем, схватив осторожно),
разинутой пасти верхними зубьями к стеклу
весеннего яда по капельке в колбу –
вот так! –
выдавить
(стекает медленно и мутно);

видал?

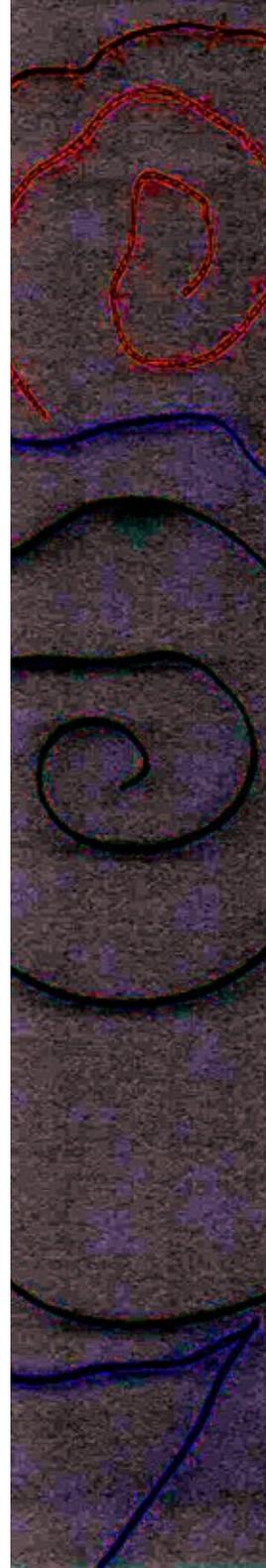
и не говори мне: паллиатив
не загибай: излишество в опыте
тупость парализует на время
тьма прессует навсегда...

лечитесь, люди
помня свет

ПЕРСОНАЖ

прошлое перехлёстом чревато
в поиске колорита нелюдимых ужимок
(Пьяный дворик, опять же)

полчаса с бомжём:
паутина склероза на лице
(путаный синтаксис морщин)
упоение ахинеей
завитушки слезоточивых потерь

вермишель обсосанных эпизодов (с отточиями мычания) –
год от году
переломов сюжета рентген
горькой крепью расцвеченный;
биография
– !? –
но не более

и жаль вроде
и не починить:
голова на ремонте, а в скважине течь...

ВСКОЛЬЗЬ, НО ВСЛУХ

я даже думаю:
суффиксов искристые следы
по ходу пишущего себя звука –
пылкое скопление факелов
горящей смолой брызгающих по сторонам:
не ускользнут контуры высказывания
не съест их тьма –
светится свободой походка
мысль не отводит взгляда
следит

проза, без расшаркиваний, хорошая, правда,
да нет
правда – голая
(как исповедь актрисы? – не-а,
как прямой репортаж, может быть? – нет,
как лист на ветке осенью на фоне громового раската? –
точно!)
а проза – хорошая
заслушаешься

◇ ◇ ◇

перелицованный звук выследил
на поверхности
родное письмо (от кожи смерти)

разместить разум ячейками
бликам говора вопреки,
подоплёки вплетение в кружево
убедительно с чувством
(неумолимая мелочь
из параграфа Карта Судьбы)

пол трясёт – ссадина лета
блюдечко травы
шрифт враждебный воображению
(нашёлся и такой)

раздел разорённого моря
произошёл,
обрывисто
снисхождение берега

◇ ◇ ◇

точно совершенный перевод
след в след
с акцентами
без остатка
несговорчивая печаль
ненадолго

перевести речь
её зрелые мелочи
налипающие отпечатками мелодии
до восклицаний тайны в слог

совершён был шаг
свободней стило стало

точно с акцентами
несговорчивые зрелые мелочи
отпечатками тайны
налипающие

совершён был шаг
след в след
ненадолго свободней стало
перевод мелодии до восклицаний
без остатка в слог
совершенный

стило
печаль
перевести речь её

◇ ◇ ◇

нищих чувств колдобины
нечего черпнуть
словарь негодует
сочится багровой смолой

хмурое недоверие весны
дожди затягивают сцену
(вписанные незамысловатости
в замирающих аккордах темы)
музыкальным рядом событий

дождь сезонный хит
словарь музыкальным рядом

смолой недомогающей весны
вписанные
нищих чувств в замирающих аккордах
багровые незамысловатости событий

хмурое недоверие колдобины
сочится дождь
(дожди в тему)

нечего черпнуть негодует сцена
затягивают сезонный хит

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

чёрная
зернистая оторопь тротуара –
столь тщательно промыт
что нехоженым кажется

кающиеся ветви смоковницы
голые суставы
крючковатые
лужа небо вдохнула за облаками

и держит – не выдыхает
дождинки светятся в кустах

светло природе
смиренна и благодарна

сложенные на безбрежии
донесённые бережно в высях –
их можно потрогать
просто: тронуть песню:
позванивают
на касание кивают небрежно
нашёптанные ветром смыслы

смиренна и благодарна – потрогать
и держит дождинки светло
тщательно ветви голые светятся
чёрная лужа

суставы крючковатые кивают
кающиеся смоковницы – природе нашёптанные
смыслы
за облаками на безбрежии позванивают:
столь промыто небо в высях
кажется вдохнуло песню
сложенную бережно

оторопь просто:
зернистая – тронуть

тротуара касание небрежно
ветром
выдыхает в кустах
нехоженым их
донесённые
что можно
на

В ПРЕДВЕРИИ

Глас издали раздался Моисею
в пламени скачущем на ветках
из необъятной тишины полуденной пустыни –
не терпит чудо
шума суеты...

как вовремя изюм!
покой
письмо со мною скрашивает ожиданье –
испытанию крови резон

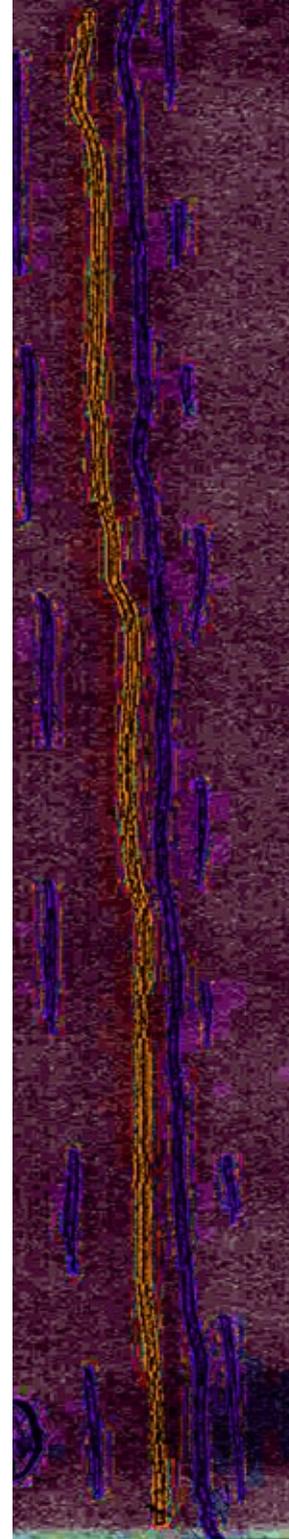
надежд прозрачная причина
твердеет стекленея даром
затеи светоносной звука
закованного в очертанья

мир зашифрован в ощущениях
а состояние – в словах
наколотых на спицы чувства,
мы называя их снимаем
как будто бабочек с булавок
порхнувших
стоило коснуться

ценнее золотой страницы
в ней благодарностью таится
меж знаков воздух восхищенья –
свидетельство

покой в столице не синайский
где зачарованные словно
на землю звёзды загляделись

лиловой тенью сумерки вступают тишины предвестьем
в излучинах сюжета жизни черпая дыханье
чудо ждёт

STATUS NASCENDI °

памяти шальные прострелы

оптика поражённого пейзажа
задом наперёд

прогулка по дороге эры англичан
(кампус, каникулы):
кедровая роща нависает иглами
бугристый старый обесцвеченный асфальт
порванный трещинами
всюду орешками посыпан,
вот и шишка упала
катится по кривой к обочине, –
оста-но-ви-лась

туман в верхушках барствует (обломов)
развалившись,
на кронах стынувшие клочья отжимает
сцеживая словно посвящённый
по капле,
дальше на восток плывёт степенно...

низовья словаря
манили яблоками переживаний –
видели-то все
но лакомимся – мы,
и ладони в росе напоследок

расщеплённые корни на обозренье
(почерк достоверности)
свидетели возникновенья форм –
на вынос истины анналы...

мнимое время темой заняло вечер –
я не медлю
я не смерть

° статус nascенди (лат.) – момент зарождения

САД И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Из книги
“Преображения чистого времени”

САД

брызги звука... переплеск тарелок...

приручены детали
керамическая жаба –
палочка торчит из пасти (для скерцо)
столбики солонок
провода – ваза – ажур
согретый пятнами предметов:
скоросшиватель, ластики, очешник

избыточность подробностей
(поверхность)

губы оттопырила эпоха
(остаётся чмокнуть)
ждёт
пока наш сад заполнит вещей шёпот до краёв
отставших от орбит крылатых смыслов

а мы пока отгадываем знаки –
в них бытия закованные силы
диктуют нам послания с изнанки
и занавес с павлиньими очами
(безоговорочная щедрость роговицы)
одаривает линзы телеоптик

сосредоточенная скорость
блики бездны
Дух себе подобных ищет
торжественные жесты ритуала рассеивая
по Вселенной –

танцующее Божество! –
кругами ищет Дух себе подобных
спирали нарезаю Ойкумены,
в экстазе восхищения раздольем
выхватывая в танце из небытия
потoki порождающих лучей!

Вот это поступь!
Мощь
Свобода
Чары
Дух – артист!

(а вы мне вид с бараками и пивом, –
не брал я древесину,
хочешь – к горлу нож!..)

сад заполняет постепенно вещей шёпот
свидетельств затаённых и значений
светящихся как фосфором планктон;
они вперяют взор из между-речья
пока намёки на мелодию – созвучья
корней аккордами описывают контур,
пока захвачена сигналами сюжета
блуждает мысль
(см. планктон в блужданиях)
в пробегах тысячекилометровых –
голодный кит в поисках пищи
(и приправы к ней),
пока на дно извилистых тропинок
времен и Танца оседает взвесь
загадочная
(вроде бы слепая),
ты погружён в игру пока
до самых губ
нет, до улитки слуха

здесь воздух соткан пламенем служенья
день созерцает солнце здесь

◇ ◇ ◇

паузами обозначены границы –
сговор знаков и минут
тьма сжата пятернёй

не говоря уже об очертаньях
о контурах трепещущего света
незаменимы качества сосуда –
ни разделить, ни вычесть
отсутствий не восполнить
есть – или нет
(длинноты классицизма спят как прочерк –
ну что поэту арифметика горы!
что золоту таблица умноженья!)

Он и Она друг друга обожают...

- Ты помнишь сколько?
- Нет
- И я не помню...

а им не надо
вечность молодит

◇ ◇ ◇

о подражанье свету задали молчать
ну да
их свет неподражаем
если речь о Них
отдыхающих в Саду Преображенья –
глаголы неподвижны там
шёпот отовсюду
словно зов имён с листвы слетает
шеlest
трепет восхищенья слышен
за мороженых созерцаньем света душ
в блаженных позах сказочных деревьев
ожидающих рожденья
в чудесно близкое нам
здесь

◇ ◇ ◇

глядеть словами не спуская глаз

змея слюну пускает
в сердце тайны

что тайну обнажает кроме рта?
жест
инстинкт развенчанный слепое лупоглазье
ей служит изъявлением воли
замаскированной в сюжете естества
(тоже, в общем, знак)

она подмигивает в профиль улыбаясь
что она думает себе?
ну да ошибка
поэтому и тайна что ошибка

смотри-ка, что в саду растёт!

вмешательство порой необходимо –
скальпелем света в голову души
(допустим)
прослеживая паутину суеверий
взором лучезарным –
оп! –
узелок на заусенец зацепив
снимаем сетку осторожно –
голове свежее!

вот так и происходит волшебство
законы вертикали
что уж проще...

надо же
ствол металла
неизвестно как сюда попавший
в землю врос...

о Боже мой
это ведь душа живая спит!

и надпись у её подошвы:
не коснись

танцующая буква –
так она выглядит
когда души словарь распеленаешь
слой за слоем

блаженная краса
блуждает в вихре света
туманятся где гнёзда грёз –
висячие сады Вселенной,
обитель Совершенства Духа,
чьё твёрдое стило наносит
обозначения загадочных деталей
в атласе Узора
(комментарий)

слюда ячеек –
вензеля эпох
на пояс
на столпе единства

◇ ◇ ◇

коснутся знаки острия науки
безукоризненно направленного в вечность –
соты потекут
(подставляй кувшин)

я думал, блеска изучу природу
преград из букв
несоразмерных пауз
где золотистая слюда таинственного смысла
(так живое дышит,
затаилось время в ней),
неторопливое вращенье считывая жизни
медленно скользя за светом
замороженным взглядом:
блажен дающий нам источник вещей
блаженна милость посылающая весть
проникшую теплом желёз и крови
блаженна щедрость улья...

– мёд и есть!

◇ ◇ ◇

я слышал вопль со дна оплывшей чаши
живой души взывавшей о спасенье
что веру в справедливость потеряла

корысть вонзилась ей в сокрытый корень
змеиным щупальцем обвив его запястья
питая зависти истошную утробу
огнём ячеистого дара
(о бессмертье!)

я видел трепет тонкостенного сосуда
я видел ужас Божьего оскала
Он истину глаголит –
она могла забыть?!

прости мне, что увидел, о Господь!
и душу упокой

◇ ◇ ◇

мне показали средоточье знаков
я их вписывал дотошно
гадал о Зазеркалье
(чудеса!)

день сиял торжественно и медно
пробелы в датах заполняли имена
высвечивались
оживали
(почерк мистерии)
процессией победной –
дар справедливости божественного дна

о этот взор внимания к искусству!
о милосердие к страданью жил и голи
проявленное волей Света
(slave, слово, слава –
мыслим ли букет!)

Величественно день простёр десницу
Короной предсказания сиял
И той земли что в памяти гнездится
я в этот день дыхание узнал

◇ ◇ ◇

что если слов придуманных затем
чтобы восполнить все пробелы мироздания
когда-нибудь не хватит?
может быть такое?!

мир обречён на красоту
хоть и подвержен боли
ему знаком жестокий мрак затей
налитых соком ядоносных скважин
отравленного своевоьем сердца
ему знаком и кости хруст
и газ
он знает плеть и тяжесть воздаянья
стеклярусом подкуплен обещаний
изнемогал от проволоки лютой
устал от ярости
от мести
от потерь

дари мечте вино заздравных тостов
пусть будет миру – мир
а-ли-лу-йа

◇ ◇ ◇

нёбу жарко –
тихо жаловался дух (просился в отпуск) –
зато вернусь отмокнув,
подожди –
звезда родится! – бросил
и исчез

воздух жидкий
беспощадный
всё плавит в поле зрения пустом
(положенье света),
аукнется ли кто-нибудь на звук?

неисчерпаемого блеска пожиратель
глаз
превращённый в кузницу спасенья
наблюдает смыслы
(постижения орбита)
ощупывая нить за нитью свойства
двенадцати узлов на память
(поимённо!) –
тут не прокатит наугад –
логика линии, добротность связок
безукоризненных на гибкость при гипнозе –
созерцания листы
взвешивать и петить
(не лёгкое дыханье!),
их золото и тайну поверяя
переживаний амплитудой
вслед лучу

маятник небес – поверхность речи
(на всех одна она) –
портрет и звон души

СТВОРЫ

Лопасты любомудрия
смыслы извести спешат на искры –
магнитные застёжки звуков спят
сочетавшись
витиевата соль навскидку.

Времени рулон раскатан
ещё на пару разворотов и –
обрыв:
отстёгнут мир (а с ним и жаркий рынок)
целое – другое.

Прыснула ночь из-под звезды
сочится тьмой –
вечности испытана палитра
мазок энергии знаком
(её витками лет за тридцать)
зодчество знамений тоже...
Что-то я застрял.

Тут же и сорвался
(встречи ожидает жадно ждёт
мечется душа,
увлажняй, коллега говорит.
Пургой неужто?
Это – к Саше Блоку.)
крыше тесно, сносит
несёт безоговорочно в отрыв
слегка поддакивая клавишей намёка.

Что удивляет, без него играем
как того голос требует и слово
(простое слово, скажем: рост)
нанизывая по колечку вздохи –
куски голодным на шампур.

Закрылись створы в Сад ведущих врат.
Я не забуду этих дней волшебных.
Мир красоты таинствен и богат –
я даже взял оттуда трав целебных.

Их приложить бы к струпьям старины,
чья летопись никак не льстит навывлет.
Я подобрал там шёпот у Луны
и помню зеркальце божественное Лилит.

Мне странно думать, что в своём уме,
хоть на поверку волочу языко –
я видел душу вкопанной, ему
(а это он)
сон предстоит до выхода,
до крика.

О, я не знаю, как благодарить!
За что мне, Боже, выпала вдруг милость?!
Заводит дальше, дальше эта нить –
я созерцал, мне лучше и не снилось.

Неисчерпаем подлинный сюжет,
как естества неисчерпаем трепет...
Поёт воды невидимый дуэт.
Закрылись створы.
Тишина их слепит.

ЯРОСЛАВА
ФАВОРСКАЯ

*ТриО
оставленной души*

ТриО оставленной души

о

ленивой ли праздности вынужденное безделье
выдуманное затишье
о воспарить!

законом контрапункта – насилие
взгляд, натыкающийся на
взгляд очнувшегося от наркоза
опять насилие

я заблуждаюсь, блуждая выпренно
о всё тщета о низость

о

однако пропишу невидимую оболочку
чешуйчатых размахом амплитуд и парных крыльев.
Где же ты пребываешь, светлотканое диво?
многоочитый иннок, стихами очаруй!
ведь столько любимых ушло,
что кажется смерть обжитой.

о

станет ли тень отрицать существование света,
беспрекословно ложась на любую поверхность?

осторожно когда сердечность
обернётся в спарринг-разговор
вариативность кредо
пинг-понг подвижной речи

07.2011

□□□

или вот: ни за что не ввести в обиход
запретное слово «мерзость»
избиение птиц
трупояден звероящер
зол покушеньем на любовь

импульс, имеющий форму
огнесплав солнцеливень
продлевать одиноким наркозом

жаропрыть жеребче
то наглый а то смиренный
то ли житие человечье

.....ВОТ
на расстрел выводят безымянный взвод
я бесплотней тени
нет меня в строю
до свиданья, милый,
встретимся в раю

2011

